

Александр Пушкин

**Лицейские стихотворения,
печатавшиеся в
позднейшие годы**

Александр Сергеевич Пушкин

**Лицейские стихотворения,
печатавшиеся в позднейшие
годы**

**Александр Сергеевич
Пушкин
Лицейские стихотворения,
печатавшиеся Пушкиным в
позднейшие годы**

Амур и Гименей

*Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?... Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и назло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,*

Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Все трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил супостата
С своим докучным фонарем.

Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!
Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;

Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

В. Л. Пушкину

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гора-
ций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, чт о скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен
миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

Воспоминания в Царском Селе

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш
священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумный рас-
точитель,
До капль истошив раскаянья фи-
ал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я
сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто,
утомленный,
Раскаянье – горя, предчувствуя бе-
ды,
Я думал о тебе, предел благосло-
венный,
Воображал сии сады.

Вообразжал сей день счастливый,
Когда средь вас возник Лицей,
И слышал наших игр я снова шум
игривый

И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пыл-
ким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей
тая,
Скитаясь по лугам, по рощам
молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады

Стоят населены чертогами, вра-
тами,
Столпами, башнями, кумирами
богов,
И славой мраморной, и медными
хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,

Глядите: вот герой, стеснитель
ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полу-
нощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и
летал.
Вот верный брат его, герой Архи-
пелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народ-
ной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас вол-
ной
Шли тучи конные, брадатая пехо-
та
И пушек медных светлый строй.

На юных ратников взирали,
Ловили брани дальний звук,
И детские лета и... проклинали
И узы строгие наук.
И многих не пришло. При звуке

*песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На кульмских высотах, в лесах
Литвы суровых,
Вблизи Монмартра...*

Гроб Анакреона

*Все в таинственном молчанье;
Холм оделся темнотою;
Ходит в облачном сиянье
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почитет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!»
Здесь, подняв на лиру длани*

И нахмура важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.

Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Дельвигу

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.

Наперснику богов не страшны бури злые:

Над ним их промысел высокий и святой;

Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят его покой.

О милый друг, и мне богини песнопенья

Еще в младенческую грудь

Влияли искру вдохновенья

И тайный указали путь:

Я лирных звуков наслажденья

Младенцем чувствовать умел,

И лира стала мой удел.

Но где же вы, минуты упоенья,

Неизъяснимый сердца жар,

Одушевленный труд и слезы вдохновенья!

Как дым, исчез мой легкий дар.

Как рано зависти привлек я взор
кровавый
И злобной клеветы невидимый
кинжал!
Нет, нет, ни счастьем, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии
счастливом
Забуду милых муз, мучительниц
моих;
Но, может быть, вздохну в вос-
торге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные
стихи.

Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.

Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;

Молись и Вакху и любви

И черни презирай ревнивое ропта-
нье;

Она не ведает, что дружно мож-
но жить

С Киферой, с портиком, и с кни-
гой, и с бокалом;

Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким по-
крывалом.

К Морфею

*Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забывать любовь до новой ночи!*

Лицинию

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчаный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц
длинный ряд
Умильно вслед за ним стремится усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки,
глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в седилах,
Все ниц пред идолом безмолвно
пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,

*Есть некий памятник почетный
и священный.*

*О Ромулов народ, скажи, давно ль
ты пал?*

*Кто вас поработил и властью
оковал?*

*Квириты гордые под иго прекло-
нились.*

*Кому ж, о небеса, кому поработи-
лись?*

*(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне
стыд моей,*

*Развратный юноша воссел в совет
мужей;*

*Любимец деспота сенатом сла-
бым правит,*

*На Рим простер ярем, отечество
бесславит;*

*Ветулий римлян царь!... О стыд, о
времена!*

*Или вселенная на гибель предана?
Но кто под портиком, с поник-
шею главою,*

*В изорванном плаще, с дорожною
клюкою,*

*Сквозь шумную толпу нахмурен-
ный идет?*

«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!»
– «Куда – не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».
Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где все продажное: законы, правда,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица молодая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:

Пускай бесстыдный Клит, слуга
вельмож Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзост-
ным челом
От знатных к богачам ползут из
дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в гру-
ди свобода;
Во мне не дремлет дух великого
народа.
Лициний, поспешим далеко от за-
бот,
Безумных мудрецов, обманчивых
красот!
Завистливой судьбы в душе пре-
зрев удары,
В деревню пренесем отеческие ла-
ры!
В прохладе древних рощ, на берегу
морском,
Найти нетрудно нам укромный,
светлый дом,
Где, больше не страшась народно-
го волнения,
Под старость отдохнем в глуши
уединенья,
И там, расположась в уютном
уголке,

При дубе пламенном, возженном
в камельке,

Вспомнив старину за дедовским
фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким
Ювеналом,
В сатире праведной порок изобра-
жу
И нравы сих веков потомству об-
нажу.

О Рим, о гордый край разврата,
злодеянья!

Придет ужасный день, день мще-
нья, наказанья.

Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенная
венец.

Народы юные, сыны свирепой бра-
ни,

С мечами на тебя подымут мощ-
ны длани,

И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею ре-
кой.

Исчезнет Рим; его покроет мрак
глубокий;

И путник, устремив на груди

камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье
углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством
погублен».

Любопытный

– Что ж нового? «Ей-богу, ничего».
– Эй, не хитри: ты, верно, что-то
знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно все скры-
ваешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за
что?
Не будь упрям: скажи ты мне
хоть слово...
«Ох! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не но-
во».

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой —
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной
тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Прискорбную ль улыбку замечали,
Иль тихий взор, исполненный
тоской, —
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой
глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз
—
Вздохнули ль вы?

Пробуждение

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден!...
Кругом постели
Немая ночь;
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь,
Обвороженный,
И поутру,
Вновь утомленный,

*Пускай умру,
Непробужденный!...*

Разлука

*В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пе-
нат.*

*Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгнове-
нья.*

*Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.*

*Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!*

*Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упое-
нья:*

*И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тиши-
не!*

*Прости! Где б ни был я: в огне ли
смертной битвы,*

*При мирных ли берегах родимого
ручья,*

*Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои*

молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все
твои друзья!

Роза

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!...
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею...
И на лилею
Нам укажи.

Старик

*Уж я не тот любовник страст-
ный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
На век прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой слугитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!*

Шишкову

*Шалун, увенчанный Эратой и Ве-
нерой,
Ты ль узника манишь в владения
свои,
В поместье мирное меж Пиндом
и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и
Парни?
Тебе, балованный питомец Апол-
лона,
С их лирой соглашать игривую
свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона*

Твою счастливую качали колы-
бель.

Друзей любить открытою ду-
шою,

В молчаньи чувствовать, пле-
няться красотой —

Вот жребий мой; ему я следовать
готов,

Но, милый, сжался надо мною,
Не требуй от меня стихов!

Не вечно нежиться в приятном
ослепленьи:

Докучной истины я поздний вижу
свет.

По доброте души я верил в упое-
нья

Мечте шепнувшей: ты поэт, —

И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал
куплеты,

Игрушкою себя невинной веселил;

Угодник Бахуса, я, трезвый меж
друзьями,

Бывало, пел вино водяными сти-
хами;

Мечтательных Дорид и славил и
бранил,

Иль дружбе плел венок, и друже-

*ство зевало
И сонные стихи в просонках вели-
чало.*

*Но долго ли меня лелеял Апол-
лон?*

*Душе наскучили парнасские заба-
вы;*

*Не долго снились мне мечтанья
муз и славы;*

*И, строгим опытом невольно
пробужден,*

*Уснув меж розами, на тернах я
проснулся,*

Увидел, что еще не гения печать

*Охота смертная на рифмах лепе-
тать,*

*Сравнив стихи твои с моими,
улыбнулся:*

И полно мне писать.